
Привет, дорогая! Во мне все кипит, как в паровом котле, того и гляди пар вырвется наружу, отбросив крышку к чертям собачьим, так что мне не до соблюдения приличий и прочих верселей! Да нет, ты не подумай чего, я ведь ее не только ценю, а, можно сказать, даже люблю, но больше с ней не выдержу. Нет моих сил!

Такими словами начиналось письмо. Вынув конверт из почтового ящика в парадной моего дома, я, как обычно, там же, в парадной, вскрыла его еще до того, как начала подниматься по лестнице к себе на пятый этаж. Возможно, делала так не столько из любопытства, сколько из желания оправдаться перед самой собой: вот, иду медленно, с остановками, поскольку читаю письмо. Преодолевать одним махом все эти длиннющие лестничные пролеты в доме старой постройки я давно не могла себе позволить.

Вот и сейчас остановилась на пятой ступеньке, хотя сегодня не чувствовала себя особенно усталой. Просто письмо меня озадачило.

Посмотрела на адрес — все правильно, адресовано мне, и адрес верный, о ком же это написано?

И кем? Вместо подписи — просто закорючка. Кажется, я ее где-то видела. Нет, не могу вспомнить. Оставив попытки выскрести из памяти местонахождение аналогичной подписи, я принялась читать дальше, одновременно медленно форсируя проклятую лестницу.

Знаешь, мне иногда кажется, она жуткая эгоистка, вообще думает только о себе.

Знаю, в это трудно поверить, но такое создается впечатление. Если ей что взбрело в голову — вынь да положь! Немедленно! Ей приспичило, а до остальных людей дела нет. Даже если ее звонок застанет тебя в кресле стоматолога и бормашина зудит в твоём больном зубе, это ее не волнует. Нет, дело срочное, не терпит и секунды отлагательства. В ее взбалмошную башку мысли не придет поинтересоваться, где в данный момент может находиться собеседник и что с ним. И ты невольно поддаешься этому напору, кусаешь дантистку за палец, срываешься с кресла и мчишься выполнять поручение, от которого зависит ее жизнь, никак не меньше. И плевать ей, что попасть к этой дантистке стоило тебе огромных

трудов и немалых денег, а теперь она, мастерица реконструкции зубов, смертельно обижена и больше к ней не сунешься. Потом выясняется, что своим поручением она ослепила еще троих и кто-то один задание наилучшим образом выполнил, однако проклятой эгоистке и в голову не придет сообщить об этом тебе. Сколько раз приходилось оказываться в совершенно идиотском положении.

А ее манера говорить с людьми! Просто... просто... агрессивная, да, вот верное слово. Властная... Наверное, именно таким тоном отдавали приказы рабам деспоты и тираны, безраздельно владеющие миром. И при этом к приказу примешивается какая-то непонятная претензия, и ты начинаешь копаться в ваших взаимоотношениях в поисках своей вины. Не иначе как чем-то обидела хорошего человека, довела до крайности. С ума сойти!

Нет, я малость перехватила, в отличие от агрессоров и тиранов, она не отдает приказы — как можно, ведь интеллигентная особа, но обязательно сделает так, что подчиняешься ей безропотно. Даже когда

понимаешь, что претензии не к тебе. Умел, окаянная, устроить так, что ей просто нельзя не подчиниться. Сдохни, но сделай, как она велит!

И вроде бы иногда действует из благородных побуждений, дескать, не о себе печется, человек погибнет, если ему немедленно не помочь. Но почему именно я? Пытаешься заикнуться, что у тебя срочная работа, и это чистая правда, для меня, к примеру, десять золотых — это деньги, но ведь для нее — тьфу, мелочь, где ей понять, да и понимать — не ее амплуа. Хоть бейся головой о стену, а сделай, что велят, иначе гибель несчастного окажется почему-то на твоей совести. Ладно, бросаешь все дела, спасаешь беднягу, который, как выясняется, ни в какой помощи не нуждался, с радостью сообщаешь ей, а она обо всем забыла. Да еще и сердится: чего звонишь, отрываешь от дела занятого человека?

Можешь мне не говорить, что за выполненную для нее работу она всегда заплатит. И без тебя знаю, что и денег одолжит, никогда не откажет. Но все это как-то равнодушно, походя, рассеянно и небрежно. Она всегда

по уши сидит в своих проблемах, чужие ее занимают постольку поскольку, если не отнимают время и почему-либо ей интересны.

А эти ее постоянные смены настроения, приступы невероятной работоспособности и всепоглощающей лени, от которых она сама же первая страдает! Но попробуй скажи ей! Никогда не знаешь, чего ждать. То силой заставит есть приготовленного ею вкуснящего запеченного цыпленка, то приходится после целого дня изнурительной работы самой рыться в ее пустом холодильнике, что-то стряпать, пить пустой чай и еще мыть накопившуюся за неделю гору грязной посуды.

И ни к чему напоминать мне о множестве ее положительных качеств, без тебя знаю, но больше так жить не могу! Спячу!

Ладно, пожаловалась, выплеснула накопившуюся в душе горечь, вроде малость полегчало. А ты заметила, что душу я изливала ее же излюбленными словечками, чтоб ей лопнуть! От нее наберешься, как блох от жучки. Впрочем, я и десятой доли претензий не высказала, ведь больше всего окружающие страдают от ее манеры держаться.

Начала я с того, что она эгоистка. Так оно и есть, говорит все, что взбредет в голову, не давая себе труда хоть немного подумать: а каково будет другим? Главное — она сама, вот и ляпнет при всех иногда такое — хоть под землю провались. Воспитанный, культурный человек? Кто это сказал? Ведь поступает не просто бестактно, а иной раз грубо и даже подло. Способна жизнь человеку сломать. Знаю, не специально, она не из вредности, не по злобе. Так ведь думать надо, что напакостишь ни в чем не повинным людям! Нет, правда, иногда она пакостит нарочно. Но в принципе, согласишься, не отдаст себе в этом отчета. Она вообще не умеет думать! И не думает!

И все это творит с такой энергией, с таким напором, так буйно, что искры летят. Нет, я с ней больше не выдержу... Да выдержу, конечно, куда денусь. Вот только... Неужели в целом мире нет человека, который бы ей сказал, что нельзя себя так вести! Не молоденькая, чай. Неужели за всю жизнь не нашлось смельчака? Это ведь я такая гусыня, что духу не хватает, да и не станет она меня слушать. Кто я для нее? Вот если бы

какой-нибудь авторитетный человек втолковал чертовой бабе, что она не только окружающим, но и себе портит жизнь.

Нет, меня она не слушает. Сколько раз я звонила ей, твердо решив выложить все, так ведь она слова не давала сказать, мигом перебивала. Как же, у нее ведь всегда важное дело! И бедный телефон раскаляется от ее эмоций и напора, а ты молчишь в тряпочку, вякаешь что-то беспомощное в ответ. Никогда не поинтересуется, а что у тебя... Может, в данный момент весь свет не мил... Да что ты, червяк ничтожный, твое дело — слушать и поступать, как она скажет.

Как думаешь, она искренне считает, что только ей доступно понимание, что нужно делать, — прямо-таки какой-то высшей силой дано право распоряжаться людьми? А я вот думаю: слушать людей она не умеет. И не желает. Ведь это чистой воды эгоизм, разве не так?

Все письмо — о ее недостатках. Знаю, знаю, у нее масса достоинств, но не будем сейчас о них, ладно? Ей-богу, не до того мне. Не будь у нее хороших сторон характера, она давно бы загнулась. Сама себя или

*кто-нибудь ее бы прикончил. Ладно, выговори-
лась, немного полегчало. А поскольку мне
предстоят несколько дней отдыха и спокой-
ствия, надеюсь набраться сил на будущее. Не
переживай за меня. Целую!*

Закорючка

Читать письмо я закончила, как раз подойдя к две-
ри квартиры. Извлекла из кармана куртки ключи,
вошла, заварила чай, а сама все думала о прочитан-
ном. Было в письме что-то знакомое, однако я не
стала напрягать память, выискивая, что именно.

Гораздо интереснее было, кто писал и кому.

А главное — о ком?!

Баба бабе и о бабе. Все трое, судя по всему, лич-
ности не банальные. Впрочем, на адресате циклиться
нет смысла, бог с ней, а вот две остальные... Похо-
же, одна в какой-то степени зависит от другой — то
ли начальницы, то ли родственницы, — но живут не
вместе, скорее всего вместе работают. Причем не от
звонка до звонка, а периодически. И еще: из письма
следовало, что несносная баба гораздо важнее.

Да, гангрена та еще. Какое счастье, что не мне
приходится иметь с ней дело. Вот интересно: ведь
преотвратная особа, характер премерзкий, — какие
у нее вообще могут быть достоинства? И опять, пока
я размышляла о гипотетической мегере, возникло

ощущение узнавания, и опять я отмахнулась от этой мысли, затолкав ее в самый дальний уголок сознания, направив все умственные силы на попытку разгадать, о ком шла речь в письме и кем. И спохватилась — а на кой мне это? Делать, что ли, нечего?

Я не психиатр, чтобы копаться в индивидуальных особенностях человеческой личности.

Одно для меня было ясно — разыскивать настоящего адресата я не стану. Думаю, невелика потеря. Отправитель излила душу — и это для нее главное, а получательница и без того прекрасно знала особу, о которой шла речь. Решено, хватит об этом думать, совесть моя чиста.

И я занялась своими делами, хотя письмо продолжало маячить где-то на задворках сознания. А дело у меня было очень срочное и важное — разыскать нумизматический каталог, чтобы прочесть в нем о брактеате¹ Яксы из Копаницы. И тут зазвонил телефон.

¹ Брактеат (*лат. bractea* — медь) — старинная серебряная монета. Ее чеканили на тонком серебряном кружке лишь с одной стороны, так что рисунок получался на аверсе (лицевой стороне) выпуклый, а на реверсе (обратной стороне) вогнутый. Наибольшее распространение монета получила в XII веке в странах Центральной Европы — Германии, Чехии, Венгрии и др. (*Здесь и далее примеч. переводчика.*)

— Привет,— услышала я голос Аниты, моей давней приятельницы, которая в данный момент являлась главным редактором одного из модных цветных журналов. — Как думаешь, если мне пришло письмо, начинающееся со слов «Иоанна, здравствуй», то, может, оно адресовано не мне? Может, тебе?

— А от кого? — поинтересовалась я.

— От Гражинки.

— А что в нем?

— Обращенных к тебе слов в нем очень немного, зато весь лист с обеих сторон заполнен какими-то значками и цифрами. И еще названиями, кажется, географическими. Точно, вот вижу: «Новая Зеландия», «Австралия», «Франция», «Югославия». Впрочем, таких понятных слов намного меньше, чем непонятных значков и цифр.

— А! — обрадовалась я. — Это описание филателистической коллекции, которую мне жутко хочется приобрести. И я попросила Гражинку прислать мне ее описание, чтобы хорошенько подумать, а не покупать kota в мешке. Раз Новая Зеландия, пожалуй, стоит. Отдашь мне письмо?

— Разумеется, оно же тебе послано! Заедешь или почтой послать?

— А если с курьером? У тебя ведь они есть. Тогда быстрее придет.

Анита засомневалась.

— В принципе могу, я как раз отправляю парня по делу, и если ты ему не пожалеешь пяти злотых на чаевые, он охотно сделает крюк по дороге.

— Да с радостью и десять злотых отдам! С нетерпением жду твоего парня, вели ему поторопиться. Пусть отправляется немедленно.

— Хорошо, прямо сейчас и поедет.

Брактеат Яксы из Копаницы немедленно был задвинут в дальний угол, как только что прочитанное непонятое письмо. И в голове, и на столе расчищено место для филателистического каталога. Как давно я сетую, что в моей тесной квартире слишком мало горизонтальных плоскостей. Дрожа от возбуждения, я принялась листать каталог марок. Предстояло решить очень важную проблему, сто раз все продумать. А когда все мысли сосредоточены на марках, ни на какие сопутствующие темы, проскользнувшие в разговоре с Анитой, места не остается.

И только когда захлопнулась дверь квартиры за посланцем Аниты, чрезвычайно довольным щедрыми чаевыми, и в руках у меня оказалось адресованное мне письмо, на конверте которого стояли адрес

и фамилия Аниты, когда я прочла короткое сообщение Гражинки, что теперь она продолжит свой путь, поскольку сделала остановку специально, чтобы выполнить мое поручение, у меня внутри что-то вроде бы тихонечко оборвалось. Этим пока все и ограничилось, по-прежнему самым важным оставалось полученное от Гражинки описание коллекции марок известного филателиста, скончавшегося в глубокой старости и оставившего все свое имущество в купе с коллекцией сестре, несомненно, даме весьма почтенного возраста.

О сестре филателиста следовало сказать особо, ведь именно с нее все и началось. Она уселась на завешанные ей марки, как квочка на яйца, и с места не желала сдвинуться. И говорить о продаже не хотела, хотя в принципе жила впроголодь. До такой степени бедствовала, что обращалась за помощью в благотворительные организации. Я никак не могла понять, в чем тут дело. Скорее всего, престарелая наследница не отдавала себе отчета в ценности доставшейся ей коллекции. В марках она совсем не разбиралась, они были для нее простыми бумажонками, которые брат неизвестно почему любил. Если бы старушка трепетно берегла все унаследованное в память о брате, ее еще можно было бы понять. Да куда там! Ведь она без